

Ив. Г. Шадъ,

БЫВШІЙ ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(1804—1817).

(БІОГРАФІЯ).

Проф. Е. А. Зеленогорскаго.

Въ настоящемъ очеркѣ мы займемся изложеніемъ біографическихъ свѣдѣній о Шадѣ ¹⁾. Для этого мы воспользуемся тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаетъ намъ самъ Шадъ въ своей *автобіографіи*.

Еще до приглашенія Шада въ Харьковскій университетъ на кафедру философіи, онъ, будучи преподавателемъ философіи въ Іенскомъ университетѣ, издалъ свою автобіографію: „*Meine Lebensgeschichte*“ (по „Философскому Словарю“ *Гоголюка*, это сочиненіе Шада имѣло заглавіе: „*Lebens und Klostergeschichte*“. 2 Bände. Erfurt). Въ 1828 году явилось новое изданіе автобіографіи Шада, исправленное и дополненное, которое посвящено имъ князьямъ, правителямъ, вѣроучителямъ и воспитателямъ, подъ заглавіемъ: *Iohann Baptist Schad's, Russisch Kaiserlichen Collegienrathes und Professors der Philosophie in Iena, ehemals Benedictiners zu Kloster Banz, Lebensgeschichte von ihm selbst geschrieben* (Fürsten, Staatsmännern, Religionslehrern und Erziehern vorzüglich gewidmet. Neue, durchaus umgearbeitete, mit reflexionen über die in unsern Tagen besonders interessanten Gegenstände, 2 Auflage. 3 Bände. Altenburg. 1828. Mit Gerzogl. Sächs. *Censur*). Издавая свою автобіографію, Шадъ желалъ, какъ видно изъ посвященія, возбудить къ ней общественный интересъ, особенно обратить вниманіе на нее тѣхъ, которые стояли во главѣ правленія и нравственно-религіознаго воспитанія народа; такимъ образомъ желалъ придать ей общественное и политическое значеніе. Съ этою цѣлію онъ помѣщаетъ въ своей автобіографіи длинныя философско-педагогическія и религіозно-философскія разсужденія, а также церковно-историческія изслѣдованія. Въ самомъ началѣ автобіографіи читатель

¹⁾ Изложеніе *теоретической* философіи Шада, какъ она выражена въ его сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ Харьковѣ, представлено нами въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи“ № 27 (мартъ 1895 г.) и № 30 (ноябрь того же года).

встрѣчаетъ разсужденіе философско-педагогическаго характера, занимающее 100 страницъ, подъ заглавіемъ: „Vorrede als Einleitung“. Въ 3 части подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Einleitung“ помѣщено разсужденіе „О духѣ религіи Иисуса“, занимающее 158 стр. Въ этой же части помѣщены изслѣдованія церковно-историческія, занимающія не меньшее количество страницъ. Вся автобіографія Шада проникнута духомъ борьбы противъ іезуитовъ, монашества, папства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи. Не объ одномъ западно-европейскомъ философѣ передается, что первоначальное воспитаніе получилъ въ іезуитской школѣ. Въ тоже время, начиная съ Декарта, они-то по преимуществу и являлись проповѣдниками и защитниками свободы совѣсти и философской мысли. Шадъ также получилъ воспитаніе въ іезуитской школѣ. Въ своей автобіографіи онъ раскрываетъ передъ нами, какъ въ немъ постепенно совершался переворотъ отъ слѣпой вѣры и безусловнаго подчиненія авторитету, положенныхъ въ основаніи іезуитскаго и монашескаго воспитанія, къ свободѣ совѣсти и разума. Знакома намъ съ различными, пережитыми имъ въ различные періоды жизни, душевными состояніями и волненіями, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ описаніе окружающей среды и характеристики лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться и у которыхъ приходилось быть въ зависимости. Такимъ образомъ автобіографія Шада сама по себѣ представляетъ для насъ интересъ психологическій и культурно-историческій.

Johann Baptist Шадъ (въ монашествѣ Романъ) родился въ 1758 г. въ деревнѣ Мюрсбахѣ вблизи Бамберга и Кобурга. Отецъ его былъ крестьянинъ, занимался земледѣліемъ, содержалъ харчевню и имѣлъ пекарню. Семья, въ которой родился Шадъ, строго держалась римско-католическаго вѣроисповѣданія. О своемъ отцѣ Шадъ говоритъ, что онъ былъ въ жизни умѣренъ, справедливъ, любилъ порядокъ, дѣлалъ благодѣянія и былъ весьма религіозенъ. И своихъ дѣтей, которыхъ было не мало, онъ старался воспитать въ тѣхъ-же добродѣтеляхъ, приучая ихъ къ труду, умѣренности, порядку, религіозности и т. д. Религіозность семьи нечужда была суевѣрій и нетерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ.

До десяти лѣтъ мальчикъ воспитывался въ семьѣ, приучаясь къ занятіямъ отца, на сколько позволялъ возрастъ. Въ 1768 году въ близъ лежащемъ отъ деревни Бенедиктинскомъ монастырѣ Банцъ умеръ прелатъ. Отецъ Шада отправился въ монастырь на погребеніе прелата и взялъ съ собою сына. Какъ оказалось, отецъ, отправляясь въ монастырь, имѣлъ и другую цѣль: онъ желалъ пристроить своего сына въ монастырскомъ хорѣ въ качествѣ дискантиста, что ему и удалось. Де-

сити́лѣтній мальчикъ обнаружилъ прекрасный голосъ и способность къ пѣнію и музыкѣ (въ церковномъ пѣніи онъ упражнялся уже въ приходской церкви). Это рѣшило судьбу Шада. Великолѣпіе монастырскаго храма и торжественная погребальная церемонія такъ подѣйствовали на воображеніе мальчика, что перенесли его въ совершенно иной міръ— настолько обаятельный, что онъ безъ сожалѣнія („безъ слезъ“) разстался съ своимъ отцомъ.

Въ монастырѣ обученіе и воспитаніе Шада поручено было одному изъ монаховъ, хорошо знавшему музыку. Шадъ говоритъ, что здѣсь не учили его ни первоначальнымъ правиламъ математики, ни исторіи, ни географіи, ни естествознанію. Его учитель занимался съ нимъ только латинскимъ языкомъ и музыкою. Что касается нравственнаго воспитанія, то оно было не лучше. Мальчикъ видѣлъ дурные примѣры среди монаховъ, неумѣренныхъ въ пищѣ и употребленіи спиртныхъ напитков¹⁾, хотя учитель его отличался умѣренностію и ему внушалъ правила умѣренности. Суевѣрія, усвоенныя мальчикомъ въ семьѣ, здѣсь поддерживались и развивались. Такъ протекали четыре года его жизни въ монастырѣ.

Четырнадцать лѣтъ Шадъ былъ отправленъ въ Бамбергъ въ іезуитскую семинарію изучать „Humaniora“. Здѣсь въ это время были еще іезуиты, но просуществовали только одинъ годъ. Съ удаленіемъ ихъ, программы и методъ обученія и воспитанія остались тѣже, какіе были при іезуитахъ. Знаніе пѣнія и музыки и здѣсь помогло ему: онъ воспитывался въ семинаріи бесплатно; какъ дискантистъ хора соборной церкви, онъ имѣлъ даровую квартиру, даровой столъ, платье и до 30 талеровъ въ годъ дохода²⁾.

Общее направленіе въ обученіи и умственномъ развитіи въ семинаріи было, по словамъ Шада, таково, что главнымъ образомъ упраж-

¹⁾ Шадъ передаетъ, что одинъ изъ монаховъ былъ такимъ обжорою, что едва могъ насытиться; въ то же время пилъ чрезвычайно много: до 20 кружекъ выпивалъ пива, затѣмъ начиналъ пить вино и т. д.; другой монахъ, хотя ѣлъ не много, но пилъ до крайней неумѣренности. Ту же наклонность монаховъ и духовенства къ неумѣренной ѣдѣ отмѣчаетъ Шадъ и въ другихъ мѣстахъ автобіографіи; напр. въ Бамбергѣ онъ встрѣтилъ одного (*faules Mastvieh an der Krippe der Kirche*), все занятіе котораго состояло въ ѣдѣ, питьѣ, табакокуреніи и снѣ за исключеніемъ пѣнія въ хорѣ. Особенное животное наслажденіе доставляло ему свиное мясо, такъ что онъ обыкновенно говорилъ, что ради деликатности этого мяса всякій, кто встрѣтитъ свинью на пути, долженъ сѣсть передъ нею шляпу. Рядомъ съ этимъ Шадъ отмѣчаетъ отсутствіе любознательности и нерасположеніе монаховъ и духовенства къ чтенію книгъ и газетъ.

²⁾ Вообще способность Шада къ музыкѣ въ Бамбергѣ оцѣнена была по достоинству. Ему предлагали даже мѣсто музыканта въ придворномъ оркестрѣ, но онъ отказался изъ опасенія, что это повредитъ его научнымъ занятіямъ. Онъ игралъ на виолончели и сдѣлалъ большіе успѣхи; даже самостоятельно занимался составленіемъ небольшихъ музыкальных пѣснь.

няли память въ ущербъ развитію ума. Латинскій языкъ и здѣсь былъ главнымъ предметомъ изученія; въ частности здѣсь преслѣдовалось знаніе правилъ синтаксиса. Изъ классическихъ авторовъ брались только такіе отрывки, которые помогали упражненію въ правилахъ синтаксиса латинскаго языка; что же касается содержанія классическихъ твореній и классической мудрости вообще, то объ этомъ не сообщалось никакихъ свѣдѣній; напротивъ, всячески заботились о томъ, чтобы внушить питомцамъ, что все, написанное язычниками, есть сплошное заблужденіе— вредное и опасное. Въ двухъ низшихъ классахъ, говоритъ Шадь, выучивались наизусть *исторія* и *катехизисъ*. Для изученія всеобщей исторіи существовала книжка, въ которой одна страница заключала изложеніе содержанія на латинскомъ, другая—на нѣмецкомъ языкѣ. Книжка наполнена была большею частію именами и годами. Въ третьемъ классѣ начиналось изученіе греческаго языка; но изъ сочиненій классическихъ авторовъ ничего не сообщалось, какъ будто-бы всѣ эти сочиненія погибли. Священное писаніе Новаго Завѣта было единственно классическою книгою, съ которою знакомили питомцевъ на греческомъ языкѣ. Изученіе нѣмецкаго языка, введенное въ семинарію по повелѣнію князя Адама Фридриха, находилось въ самомъ жалкомъ положеніи; іезуиты щеголяли незнаніемъ нѣмецкаго литературнаго языка. Въ философіи царила средневѣковая схоластика. Введены были и поощрялись диспуты, которые принимали иногда торжественный публичный характеръ ¹⁾.

При поступленіи Шада въ семинарію оказалось, что онъ настолько слабымъ обнаружилъ себя въ знаніи латинскаго языка на первомъ испытаніи, что принять былъ послѣднимъ. Послѣ этого онъ рѣшился, во чтобы то ни стало, подняться на первое мѣсто среди другихъ товарищей; ради этого онъ занимался латинскимъ языкомъ и днемъ и ночью и скоро достигъ того, что безъ помощи другихъ приступилъ къ чтенію легчайшихъ для пониманія классическихъ авторовъ, а равно — и того, что одержалъ верхъ надъ своими товарищами: къ концу втораго года своего пребыванія въ семинаріи онъ получилъ первую награду за знаніе латинскаго языка. Здѣсь было положено начало самостоятельному изученію Шадомъ классическихъ авторовъ, что было чрезвычайно важно для его образованія. Съ этого времени чтеніе классиковъ и музыка сдѣлались любимыми занятіями Шада.

¹⁾ Шадь передаетъ, что онъ держалъ диспутъ на тему: „Non dantur ideae ex omni parte obscurae“, который онъ закончилъ слѣдующими словами, обращенными къ противнику: „Jam victum me profiteor, nam ostendisti, ingenium tuum re vera plenum esse ideis obscuris, quia ne verbum quidem ex omnibus, quae proposuisti, intelligere possum“. Эти слова вызвали всеобщій смѣхъ и противникъ замолчалъ.

Съ горечью, досадою и даже проклятіями Шадъ говорить въ своей автобіографіи о томъ, что монашеское воспитаніе успѣло къ этому времени сдѣлать надъ нимъ свое дѣло. Было сказано, какое впечатлѣніе произвелъ монастырь съ его великолѣпнымъ храмомъ на десятилѣтняго крестьянскаго мальчика. Его учитель не замедлилъ поддержать и усилить это впечатлѣніе въ немъ. „Чтобы познакомить меня съ блестящею виѣшною стороною монастыря, онъ показывалъ мнѣ постепенно, говорить Шадъ, все великолѣпіе, которымъ по княжески блисталъ этотъ монастырь. Онъ водилъ меня по всѣмъ красивымъ параднымъ комнатамъ“ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на княжескую жизнь прелата и на тѣ почести, которыя ему воздаются. Все это возбудило въ мальчикѣ сильнѣйшее желаніе сдѣлаться монахомъ этого монастыря, дабы достигнуть сана и почестей прелата. Воображеніе его до такой степени было занято этимъ, что онъ однажды видѣлъ живо во снѣ, что онъ сдѣлался духовнымъ, потомъ прелатомъ. Намѣреніе сдѣлаться монахомъ не оставляло Шада и въ Бамбергѣ, хотя идеаль его нѣсколько измѣнился: онъ мечталъ теперь сдѣлаться *святымъ* и *ученымъ*. Стремленіе къ святости развилось въ немъ подъ вліяніемъ чтенія „легендъ о святыхъ“. На третій годъ своей жизни въ Бамбергѣ онъ покупаетъ бичъ и бичуетъ себя по примѣру святыхъ. По тому же примѣру святыхъ онъ даетъ обѣтъ хранить цѣломудріе и никогда не вступать въ бракъ. Между тѣмъ въ это время онъ вступилъ въ тотъ возрастъ, когда пробуждается половое стремленіе. Онъ уже чувствовалъ это и немедленно приступилъ къ борьбѣ съ этимъ стремленіемъ въ надеждѣ совершенно уничтожить его въ себѣ; онъ бичуетъ себя и жжетъ раскаленными углями; по примѣру св. Бернардина вырѣзываетъ на груди перочиннымъ ножомъ имя „Иисусъ“ ¹⁾. Ничто не помогало. Настало критическое положеніе. Въ этотъ критическій моментъ, не находя выхода изъ созданнаго имъ положенія, Шадъ рѣшается обратиться за совѣтомъ къ духовнику. Со слезами на глазахъ онъ раскрылъ передъ духовникомъ свое душевное состояніе. Тотъ далъ ему совѣтъ поступить въ монастырь. Съ этого момента рѣшеніе Шада поступить въ монастырь сдѣлалось непоколебимымъ.

Это послѣдовало въ то время, когда Шадъ поступилъ въ высшій классъ философіи. Чрезъ полгода пребыванія въ этомъ классѣ, когда ему было девятнадцать лѣтъ, онъ получилъ отъ аббата Валерія разрѣшеніе возвратиться въ Банцъ. Каноникъ въ Вюрцбургѣ, генераль-викарій князя-епископа въ Бамбергѣ не совѣтовалъ ему ѣхать въ Банцъ. Онъ желалъ (и общалъ Шаду ходатайствовать), чтобы онъ, выслушавши курсъ философіи, сдѣлался священникомъ. Здѣсь онъ могъ получить

¹⁾ „Слѣды этого навсегда остались очевидными на моей груди“, говоритъ Шадъ.

мѣсто профессора въ Вюрцбургѣ или по крайней мѣрѣ—наиболѣе выгодное мѣсто священника, а также и другія выгоды. Равнымъ образомъ, одна вліятельная дама, жена министра при князѣ—епископѣ, съ которою онъ познакомился, убѣждала его не поступать въ монахи. Ея двѣ красивыя дочери, съ которыми дозволено было ему совершать прогулки, въ свою очередь убѣждали его въ томъ-же. „Но, говоритъ Шада, зелье монашескаго оболъщенія успѣло уже пустить въ моемъ сердцѣ глубокіе корни“.

„Я, говоритъ Шада, отправился съ чистымъ намѣреніемъ и рвеніемъ въ этотъ славный монастырь“. По установленному порядку онъ поступилъ для первоначальнаго искуса и воспитанія въ монашествѣ подъ руководство Nowizemeister'a, очень опытнаго, обладавшаго и знаніемъ, и искусствомъ въ дѣлѣ такого воспитанія. Этотъ послѣдній строго со всею силою своего знанія и искусства проводилъ въ вѣренномъ ему воспитаніи принципъ *сильной вѣры и безусловнаго послушанія* по отношенію къ монашеству, папству и католичеству. Вѣрный намѣченной цѣли сдѣлаться святымъ, Шада съ полнымъ довѣріемъ внималъ наставленіямъ и внушеніямъ своего руководителя. Онъ уже раньше подготовилъ себя къ монашеству и аскетической жизни и бодро вступилъ на путь подвижничества.

Дѣйствительно, семь лѣтъ жизни Шада въ монастырѣ послѣ поступленія были настоящимъ подвижничествомъ. Въ самомъ началѣ ему поставлено было на видъ, что „всякое проявленіе собственнаго ума и собственной воли есть грѣхъ“, который не можетъ быть оставленъ безъ наказанія. Мало этого. „Если, говоритъ Шада, мой начальникъ замѣчалъ, что я за столомъ, въ хорѣ, въ притворѣ или во время прогулки поднималъ глаза и устремлялъ ихъ на извѣстный предметъ, то я долженъ былъ, покрывши голову покрываломъ, сидѣть на полу и ѣсть назначенную мнѣ порцію (что значитъ это, будетъ сказано ниже) и всѣ монахи чрезъ этотъ символъ узнавали о моемъ, вопіющемъ къ небу, грѣхѣ, потому что монашество требовало, чтобы была и тѣлесная слѣпота, и ставило въ этой добровольной слѣпотѣ великую заслугу“. Чтобы понять, насколько тяжело было для Шада лишеніе возможности наслаждаться природою и ея прелестями, нужно знать, какъ онъ любитъ природу. Будучи въ семинаріи въ Бамбергѣ, онъ сторонился общества товарищей и удалялся въ уединенные лѣса, на берегъ рѣки или ручейка, гдѣ, расположившись на землѣ, съ воодушевленіемъ читалъ классиковъ. И „притворъ въ Банцѣ, по словамъ Шада, представлялъ видъ небесной красоты. Красоты природы и искусства расположены были здѣсь самыми разнообразными группами и, казалось, соединились между собою, дабы своею взаимною прелестью очаровывать духъ и сердце и наполнять небеснымъ блаженствомъ“. Но его наставникъ утверждалъ, что чувственность нужно окончательно уничтожить и наиболѣе важное средство для

этого есть закрываніе глазъ, дабы не видѣть заманчивыхъ предметовъ въ окружающемъ насъ мірѣ. Такого рода умерщвленіе чувственности должно распространяться, по его убѣжденію, на всѣ вообще чувства. Не будемъ говорить о другихъ требованіяхъ подобнаго рода отъ испытываемаго со стороны его наставника. Намъ сообщаетъ Шадъ въ своей автобіографіи, что въ первые семь лѣтъ онъ довелъ свою ревность къ прохожденію всѣхъ монашескихъ упражненій до высшей степени, такъ что въ этомъ ему нужна была узда, а не шпоры. Тѣмъ не менѣе рѣдко бывало, чтобы хотя нѣсколько недѣль онъ оставался ненаказаннымъ отъ своего наставника. Особенно часто подвергался онъ наказанію такъ называемому: Hundtisch (собачій обѣдъ) или Bodensitzen (сидѣнье на полу). Это наказаніе состояло въ томъ, что въ то время, какъ прочіе монахи сидѣли за столомъ и обѣдами, преступникъ, какъ собака, долженъ былъ ѣсть назначенную ему порцію пищи, состоящую большею частію изъ хлѣба и воды, сидя на полу посреди столовой.

Наконецъ, здоровье Шада не выдержало: послѣдовало сильное нервное разстройство. Еще болѣе ужасно было состояніе его духа. Не монашескія упражненія въ святости и не наказанія, налагаемыя на него наставникомъ, угнетали его душу. Его смущало то, что онъ не можетъ твердо стать на истинный путь спасенія и святости, что всюду онъ наталкивается на грѣхи, какъ на это указывалъ ему его наставникъ. Гдѣ предѣлы этихъ указаній, это неизвѣстно ему, такъ какъ его собственный умъ и собственная воля связаны были другимъ умомъ и другою волею. У него является мысль о самоубійствѣ. Къ этой мысли онъ обращается чаще и чаще и уже занимается вопросомъ о способѣ самоубійства: броситься ли въ монастырскій колодезь или въ праздникъ съ высоты алтаря монастырской церкви ринуться внизъ и разбить себѣ голову или сломать шею? Но прежде, чѣмъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, онъ счелъ нужнымъ обратиться къ своему наставнику (онъ-же былъ и духовникомъ его) съ вопросомъ: „дозволяется ли изъ любви къ Богу и ревности къ покаянію сократить свою жизнь“? Тотъ вмѣсто отвѣта пригрозилъ ему строгимъ наказаніемъ, какъ ожесточенному грѣшнику. Другой монахъ, къ которому онъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ, отвѣтилъ отрицательно. Изъ опасенія совершить ужаснѣйшій грѣхъ и изъ временнаго ада попасть въ вѣчный Шадъ воздержался отъ самоубійства. Такимъ образомъ, желаніе Шада принять вѣнецъ мученичества чрезъ самоубійство не исполнилось ¹⁾.

¹⁾ Оставался, говорить Шадъ, иной способъ самоубійства, который въ монашескихъ сочиненіяхъ признается не только законнымъ, но и высшею ступенію нравственнаго совершенства: это — самоистязаніе и добровольное причиненіе себѣ мученій, дабы этимъ путемъ медленно и постепенно убить въ себѣ всѣ жизненные силы.

Совершился кризисъ въ больной душѣ Шада; напряженное состояніе духа нѣсколько ослабѣло; явилась возможность доступа въ больной умъ иного рода мыслямъ. Въ это время внезапно, какъ блеснуть молніи, вспоминается Шаду изреченіе римскаго поэта: „sapere aude“! Онъ принимаетъ это за призывъ къ возвращенію свободы мысли и сталъ размышлять. „Да, думалъ я, это единственное средство, которое осталось тебѣ, чтобы опять достигнуть потеряннаго спокойствія духа“. И вотъ началась работа мысли. Сначала Шадъ думалъ, что онъ не затронетъ авторитета церкви, ни авторитета Библии; онъ хотѣлъ лишь подвергнуть разбору и критикѣ основанія монашества, которыя, какъ онъ думалъ, не причисляются къ членамъ вѣры непогрѣшимой церкви. Но, какъ можно убѣдиться изъ предыдущаго изложенія, Шадъ не принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя могутъ останавливаться на полдорогѣ; при томъ вѣками создавалась такая система и связь между монашествомъ, папствомъ и католичествомъ, что, затронувши одно, нельзя не затронуть другого. Тоже случилось и съ Шадомъ. Подвергну критику институтъ монашества и его основоположенія, онъ неизбежно перешелъ къ критикѣ папства, а затѣмъ — критикѣ непогрѣшимости католической церкви и ея авторитета. Хотя онъ, повидимому, шелъ по этому пути осторожно и медленно, обращаясь постоянно къ историческому изученію предмета, который его занималъ, но это самое способствовало тому, что его критика, основанная на историческихъ фактахъ, приобрѣтала въ его глазахъ особенную прочность; а главное — всякій авторитетъ, требующій слѣпой вѣры и безусловнаго подчиненія, вызывалъ въ немъ теперь враждебное чувство.

И въ нравственномъ отношеніи произошла въ Шадѣ существенная перемѣна. Изъ эгоиста онъ преобразуется въ человѣка гуманнаго, отзывчиваго къ тому, къ чему прежде былъ глухъ, увлеченный себялюбивыми чувствами. Теперь онъ всюду въ природѣ чувствуетъ дѣйствіе божественной любви; такую же любовь проникается и онъ. Напр. онъ покупаетъ себѣ канарейку и окружаетъ ее своею заботливостію, за что она отвѣчаетъ ему своею привязанностію, такъ что, вылетая въ открытое окно, она снова возвращалась къ нему въ комнату. Снова его мысли возвращаются къ той вліятельной дамѣ, которая убѣждала его не поступать въ монастырь. Онъ питаетъ искреннюю безкорыстную симпатію къ нѣкоей ноннѣ, *Fräulein Antoinette von Redwitz*, и пишетъ ей прощальные стихи; о цelibатѣ выражается такъ, что онъ развиваетъ въ человѣкѣ сатанинскій характеръ, и бракъ считаетъ нормальнымъ, отвѣчающимъ природѣ человѣка, состояніемъ ¹⁾.

¹⁾ Шадъ указываетъ на тотъ развратъ, который существовалъ при цѣломъ рядѣ папъ съ начала X вѣка, особенно въ XIV и XV вѣкахъ. Что же касается духовенства,

Не смотря на измѣненіе своихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій, Шадъ рѣшается остаться въ монастырѣ для того, чтобы, „оставаясь въ рабствѣ, другихъ спасать отъ рабства“, какъ самъ онъ выражается. Дѣйствительно, онъ прожилъ въ монастырѣ еще двѣнадцать лѣтъ; быть можетъ, онъ прожилъ-бы и больше, если-бы случайное обстоятельство не заставило его удалиться изъ монастыря. За все свое пребываніе въ монастырѣ онъ достигъ того, что сдѣлался извѣстнымъ въ монастырѣ и въ католической церкви, какъ религіозный учитель, какъ проповѣдникъ, какъ духовникъ и какъ духовный писатель.

то онъ приводитъ мѣсто изъ сочиненія одного католическаго писателя, который (въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Die katholische Kirche, besonders in Schlesien“) описываетъ дурныя въ высшей степени послѣдствія закона целибата (Cölibatsgesetz). „Въ какую глубокую пропасть низверглись многіе, какіе къ небу вопіющіе грѣхи совершили вы! Клятвопреступленія, отравленія, выкидыши и насильственные умерщвленія любовнаго плода, самоубійства суть страшныя грѣхи, къ которымъ приводитъ целибатъ въ продолженіи исторіи всѣхъ вѣковъ..... Трусливость, притворство, подавленность нравственнаго чувства, разнузданность, тяжелое рабство, въ которомъ держатъ духовныхъ ихъ кухарки (суть другія слѣдствія целибата). Законъ целибата дѣйствуетъ такъ, что многіе изъ духовныхъ дѣлаются невѣжественными и праздными негодьями, страстными охотниками, игроками, пьяницами, жестокосердными скрягами, сквернословыми; всего этого не было бы, если бы они имѣли семью“ и т. д. Что касается монашества, то Шадъ зналъ его непосредственно и самъ велъ борьбу съ половымъ инстинктомъ еще до поступленія въ монастырь. На основаніи собственнаго опыта, наблюденія надъ другими монахами и монастырскихъ хроникъ, онъ передаетъ почти невѣроятныя вещи. Онъ говоритъ: „прямое желаніе подавить это ничѣмъ неистребимое требованіе природы разжигаетъ пламя (страсти) съ такою силою, что тѣ, которые остаются вѣрными природѣ, не могутъ имѣть никакого представленія объ этомъ“. Для монаховъ были соблазномъ даже такія слова пѣснопѣнія, какъ напр. слѣдующія: *beata viscera Mariae Virginis, quae portaverunt aeterni patri filium, et beata ubera, quae lactaverunt Christum Dominum*“. Тѣмъ болѣе опасны были для celibatѣровъ слѣдующія слова Вульгаты: *Dilectus meus misit manum suam per foramen et venter meus intremuit ad tactum ejus*“. Въ томъ же направленіи работало не менѣе, если не болѣе, воображеніе ноннъ. Мы опускаемъ примѣры, приводимые Шадомъ. Возьмемъ лишь одинъ примѣръ изъ монастырской хроники, который рассказываетъ Шадъ подъ заглавіемъ: „Kussandacht“ (благочестивое цѣлованіе). У ноннъ въ Spital zu Burgos, которыя назывались Angeliken, введенъ былъ обычай, чтобы діаконъ, если совершалось торжественное богослуженіе, давалъ всѣмъ ноннамъ дружескій поцѣлуй. Изъ за этого своего права вели онѣ процессъ съ папою Григоріемъ XIV, который запретилъ исполненіе этого обычая, какъ опаснаго для молодыхъ дѣвицъ, такъ какъ діаконы были тоже молодые. Но нонны не хотѣли уступитъ этого своего права. Онѣ ссылались на свое старинное, папами узаконенное право, на *Calatrava Kreuz*, на установленіе его королемъ, а не его святѣйшествомъ. Онѣ пошли такъ далеко, что клялись не посѣщать никакой мессы, если у нихъ отнять ихъ привилегію цѣлованія. Посредничество между ними и папою принялъ король Филиппъ и было рѣшено, что на будущее время ни діаконъ, ни иподіаконъ не будутъ совершать цѣлованіе, а сямъ цѣлованіемъ будетъ улаживать ихъ аколутъ (*Acolutus*). Съ этимъ онѣ помирились, такъ какъ аколутъ былъ также молодымъ человекомъ, какъ діаконъ (прибавляетъ къ этому Шадъ).

Какъ же Шадъ желалъ и надѣлся спасти другихъ отъ рабства чрезъ свое рабство? Онъ рѣшилъ заняться литературнымъ трудомъ и этимъ путемъ вліять на другихъ и воздѣйствовать, развивая ихъ въ здравыхъ нравственно-религіозныхъ понятіяхъ. Католичество въ лицѣ его представителей подъ главенствомъ папы для того, чтобы съ одной стороны воспитать народъ въ духѣ подчиненія авторитету церкви и папства, а съ другой—отвлечь его отъ чтенія книгъ Св. писанія, пользовалось „легендами о святыхъ“, составленными въ извѣстномъ направленіи согласно предположенной цѣли. Съ этихъ-то „легендъ“ и началъ Шадъ. Онъ сдѣлалъ изданіе „легендъ о святыхъ“ въ двухъ частяхъ in quarto, гдѣ на каждый день года составилъ рассказъ о жизни извѣстнаго святаго съ наставленіемъ, на что онъ имѣлъ право, какъ проповѣдникъ и религіозный учитель народа. Мораль, проводимая здѣсь Шадоу, была антимонашеская. Какъ только это изданіе явилось въ свѣтъ, все монашество возстало противъ него и въ статьяхъ, написанныхъ противъ его изданія, формально называло его еретикомъ, такъ что онъ вынужденъ былъ написать въ свою защиту апологію, которую и напечаталъ въ „Die Mainzer Monatsschrift von geistlichen Sachen“. Въ этой апологіи онъ съ одной стороны доказывалъ, что противъ католическаго вѣрсученія, разсматриваемаго по существу, ничего имъ не написано; съ другой—такъ характеризовалъ монашество, что послѣ этого онъ ничего не могъ ожидать, какъ ожесточеннаго преслѣдованія. Дѣйствительно, его аббатъ Валерій уже рѣшилъ наказать его самымъ примѣрнымъ образомъ; но за него заступился князь-епископъ, который въполнѣ согласился съ его апологіею, такъ что монахамъ пришлось затѣять свою злобу и ненависть къ нему.

Далѣе по порученію книжнаго магазина въ Вамбергѣ Шадъ перевелъ съ французскаго языка на латинскій сочиненіе подъ заглавіемъ: „Institutio sacerdotum pro sacro tribunali“. Объ этомъ переводѣ Шадъ говоритъ только мимоходомъ, какъ о механической работѣ, такъ какъ магазинъ требовалъ лишь дословнаго перевода. Другое порученіе того же магазина, сдѣланное Шаду въ 1788 году, было для него болѣе важнымъ; оно состояло въ томъ, чтобы онъ пересмотрѣлъ для новаго изданія „Легенды о святыхъ“ Фогеля—іезуита и согласно требованіяхъ времени исправилъ ихъ, гдѣ это требуется. Объ этой своей литературной работѣ Шадъ говоритъ: „переработка „Легендъ о святыхъ“ Фогеля имѣла весьма сильное вліяніе на мое дальнѣйшее образованіе и на судьбу всей моей послѣдующей жизни“. Въ этой работѣ онъ поставилъ себѣ неизмѣннымъ закономъ не оставлять ни одного рассказа, который во всемъ объемѣ или въ отдѣльныхъ обстоятельствахъ былъ сомнительнымъ, или не имѣлъ предшествующаго образца для подражанія, или,

наконецъ, велъ къ суевѣрію. Для этой работы онъ пользовался тѣми книгами, которыя находилъ въ монастырской библіотекѣ. Какъ видно изъ его разсказа, эта библіотека была достаточно обширна; по крайней мѣрѣ, его комната была завалена книгами. Каждый разсказъ о томъ или другомъ святомъ онъ провѣрялъ по всѣмъ книгамъ, находившимся въ его распоряженіи. Черезъ этотъ методъ изученія „Легендъ о святыхъ“ онъ убѣдился, что множество разсказовъ или извращено или вновь составлено. Въ связи съ этимъ Шада изучалъ исторію появленія легендъ о святыхъ и ихъ развитіи, исторію изданій этихъ легендъ, появлявшихся въ различные періоды. Это вело его далѣе къ изученію церковной исторіи вообще; онъ нашелъ нужнымъ прослѣдить въ исторіи развитіе нѣкоторыхъ ученій католической церкви, напр. объ отпущеніи грѣховъ, о чистилищѣ, о непогрѣшимости церкви и т. п. Черезъ это историческое изученіе многое стало яснымъ для него, что при догматическомъ изученіи христіанства вызывало въ его умѣ недоразумѣнія. Параллельно съ этимъ онъ изучалъ философію. Онъ уже замыслилъ въ это время развить въ цѣльной гармонической системѣ идеи о христіанствѣ, созданныя имъ на основаніи *апостольскихъ твореній* и на основаніи *разума*.

Что касается философскаго образованія Шада въ данный періодъ, то на основаніи его автобіографіи можно установить слѣдующее. Съ тонкостями схоластической логики и діалектики онъ познакомился, какъ мы уже знаемъ, въ бытность свою въ семинаріи. Съ классическою философіею онъ познакомился чрезъ чтеніе классическихъ писателей; по крайней мѣрѣ, онъ очень любилъ сочиненія Цицерона. Въ то время, когда въ немъ совершался умственный и нравственный переворотъ, Кантъ издалъ „Критику практическаго разума“, съ которою не замедлилъ онъ познакомиться. Ученіе Канта о „свободѣ“ (Freiheit), какъ самой въ себѣ независимой силѣ въ человѣкѣ, какъ разъ соответствовала состоянію духа Шада и его запросамъ. „Это сочиненіе Канта было для меня настоящимъ солнцемъ“, говоритъ онъ. Но насколько сочувственно онъ отнесся къ „Критикѣ практическаго разума“, настолько отталкивающее дѣйствіе произвела на него „Критика чистаго разума“ Канта. Это сочиненіе Канта сначала повергло его въ уныніе и снова заставило его пережить тяжелое душевное состояніе; потомъ вызвало со стороны его протестъ и критику. Онъ усмотрѣлъ въ *скептической философіи* Канта, выраженной въ „Критикѣ чистаго разума“, новый поворотъ къ католицизму (не даромъ она вызвала сочувствіе къ себѣ нѣкоторыхъ католическихъ теологовъ). Невозможность познанія Бога и человѣческой души собственными силами разума, доказываемая Кантомъ въ его „Критикѣ чистаго разума“, естественно должна вести, по его мнѣнію, къ необходимости для человѣка высшаго откровенія, а

слѣдовательно—къ необходимости подчиненія авторитету тѣхъ, которымъ предоставлено хранить и толковать божественное откровеніе. Шадъ не отвергалъ божественнаго откровенія; въ тоже время, подобно Лейбницу и нѣкоторымъ философамъ XVII вѣка, онъ признавалъ одинъ и тотъ же источникъ какъ откровенія, такъ и разума—Бога; поэтому, признавалъ способность разума понять и уразумѣть высшія истины, сообщаемыя человѣку чрезъ божественное откровеніе, безъ всякаго посредства. Въ силу этого убѣжденія онъ и замыслилъ въ это время развить въ цѣльной гармонической системѣ идеи о христіанствѣ на основаніи апостольскихъ твореній и разума. Къ философіи Канта онъ относился и впоследствии не иначе, какъ критически ¹⁾. Несмотря на свое сочувствіе къ сочиненіямъ протестантскихъ теологовъ, которыми онъ нерѣдко пользовался въ это время, онъ не симпатизировалъ тѣмъ изъ нихъ, которые отличались ортодоксальнымъ ригоризмомъ, напоминающимъ ригоризмъ католическихъ писателей. Въ этомъ онъ настолько былъ послѣдователенъ, что нападалъ на раболѣпство передъ Кантомъ и его философіею, распространенное въ то время въ Германіи и доходившее до поклоненія буквѣ авторитета. Въ это время *Фихте* успѣлъ уже завить себя новой философіею. Слѣдя за всѣми новыми явленіями въ области философіи, Шадъ познакомился и съ философскими сочиненіями Фихте. Философія Фихте была, повидимому, настоящимъ открытіемъ для Шада. Въ основаніи этой философіи положена идея саморазвитія нашего духа; безъ этого саморазвитія духа нѣтъ жизни; оно свободно и независимо и стоитъ въ постоянной борьбѣ съ препятствіями и торжествъ надъ ними.

Издавши „Легенды о святыхъ“, Шадъ не считалъ, кажется, оконченнымъ свое дѣло по отношенію къ религіозно-нравственному развитію народа чрезъ изданіе книгъ, сюда относящихся. Онъ предпринималъ сдѣлать переводъ комментаріевъ на Библію *Ле-Местра де Саси* (*Le-Maistre de Sacy*). Къ этой работѣ онъ привлекъ другого бенедиктинца изъ монастыря Банца. Но, познакомившись ближе съ комментаріями Ле-Местра де Саси на Библію, онъ убѣдился, что не стоитъ переводить ихъ дословно; поэтому рѣшилъ сдѣлать выборъ изъ нихъ и собственные дополненія; въ послѣднемъ случаѣ не преминулъ воспользоваться нѣкоторыми толкованіями на Библію протестантскихъ теологовъ. Такимъ образомъ издано было имъ до 18 частей комментаріевъ на Библію. Какъ проповѣдникъ, онъ издалъ около того времени проповѣдь по поводу казни Людовика XVI подъ заглавіемъ: „Основанія довольства крестянина своимъ положеніемъ“ въ виду распространенія французскихъ идей

¹⁾ См. мою статью о Шадѣ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“.

„о свободѣ и равенствѣ“ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ провинціяхъ ¹⁾. Въ то же время напечаталъ нѣсколько статей въ *Jenaer allgemeine Litteraturzeitung*. Издалъ также „Руководство къ религіи“ *Ильдефонса Шварца* (своего учителя, уже умершаго) съ измѣненіями и предисловіемъ, въ которомъ изложилъ духъ и направленіе сочиненія Канта: „Религія въ предѣлахъ только одного разума“, передѣлавши его по своему. Наконецъ, послѣднее сочиненіе, написанное Шадомъ въ монастырѣ, было: „Судьба почтеннаго отца Синцеруса“ (*Sincerus*); о немъ будетъ сказано ниже.

Когда Шадъ помирился, повидимому, съ жизнію въ монастырѣ, достигши внутренней свободы духа и предавшись литературнымъ занятіямъ, вдругъ неожиданно для него получено было письмо отъ герцога Карла Виттембергскаго, въ которомъ герцогъ приглашалъ его ко двору въ качествѣ придворнаго проповѣдника. Письмо, адресованное самому Шаду, попало по монастырскимъ правиламъ въ руки прелата, который, не смотря на герцогскую печать, ознакомился съ его содержаніемъ раньше, чѣмъ передать его въ руки Шада. Онъ сначала не хотѣлъ передавать его Шаду, но его совѣтники находили это неудобнымъ. Письмо передано по принадлежности, но прелатъ и монахи рѣшили всѣми средствами противодѣйствовать удаленію Шада ко двору герцога. Прелатъ писалъ къ князю-бишофу о приглашеніи герцогомъ Шада. Въ свою очередь князь-бишофъ не желалъ отпустить Шада ко двору герцога по нѣкоторымъ личнымъ своимъ отношеніямъ къ самому герцогу. Полагаясь на обѣщанія князя-бишофа, который очень благосклонно отнесся къ Шаду, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ предложенія герцога, но князь-бишофъ вскорѣ послѣ того умеръ и Шаду пришлось сожалѣть о томъ, что онъ не принялъ предложенія герцога. Послѣ получено было Шадомъ приглашеніе изъ Страсбурга, но въ виду изданной имъ проповѣди противъ французской революціи онъ отказался отъ приглашенія; напротивъ, монахи желали, чтобы онъ отправился въ Страсбургъ. Въ другой разъ они даже рѣшили выдать его французамъ, если бы они того потребовали; но этого не случилось.

Случилось, что Шадъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Это случайное обстоятельство имѣло для него рѣшающее значеніе. Послѣ того, что сказано о ненависти къ нему монаховъ въ Банцѣ, неудивительно, что начальство монастыря отказало ему въ присылкѣ на ночь прислуги во время болѣзни при безпомощномъ его положеніи ²⁾. Медицинскія сред-

¹⁾ Fürst-Bischof въ Бомбергѣ и Вюрцбургѣ прислалъ ему похвальное письмо и денежный подарокъ за указанную проповѣдь.

²⁾ Шадъ съ благодарностію вспоминаетъ одного монаха, который съ рискомъ для себя рѣшился ухаживать за нимъ ночью, несмотря на запрещеніе начальства монастыря помогать больному.

ства доктора ослабили его болѣзнь. Тѣмъ не менѣ дурныя послѣдствія острой болѣзни не замедлили обнаружиться: у него открылось кровохарканье. Шадъ просилъ доктора откровенно сказать ему, насколько опасны эти послѣдствія болѣзни, заявляя при этомъ, что онъ не боится смерти. Докторъ обѣщалъ ему не болѣе, какъ полгода жизни. Въ виду этого Шадъ рѣшилъ нанести передъ своею смертію послѣдній ударъ монашеству. Онъ приступилъ къ написанію того сочиненія, заглавіе котораго указано нами выше: „Судьба почтеннаго отца Синцеруса“. Это была ѣдкая сатира на монаховъ. Вскорѣ онъ отдалъ первую часть сочиненія въ печать съ такимъ расчетомъ, что выхоть ея въ свѣтъ послѣдуетъ въ то время, когда уже не будетъ его въ живыхъ. Что же? Неожиданно для него здоровье его стало поправляться и улучшаться. Тогда для него не оставалось другого средства для спасенія, какъ бѣгство изъ монастыря. Онъ не безъ основанія опасался того, что можетъ попасть въ руки инквизиціи, которая, захвативши его, могла отправить его въ одинъ изъ монастырей Испаніи; тогда гибель его была бы неизбѣжна, какимъ бы образомъ она ни совершилась ¹⁾. Онъ рѣшился бѣжать изъ монастыря въ первую же ночь.

¹⁾ Монахи, говоритъ Шадъ, присвоили себѣ право *vitae et necis*; было много примѣровъ замурованія и другихъ тайныхъ родовъ смерти. Особенно въ ходу было пожизненное заточеніе въ тюрьму. Въ монастырѣ Triefenstein одинъ монахъ по имени Geissler томился въ тюрьмѣ въ продолженіи 52 лѣтъ за то, что сдѣлалъ попытку бѣжать. Это былъ извѣстный церковный композиторъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для него въ тюрьмѣ было дозволеніе составлять музыкальныя піесы, которыя монастырь издавалъ. Это облегченіе доставлено ему было не изъ добраго желанія, а изъ расчета. Узникъ умеръ 80 лѣтъ. Шадъ сообщаетъ далѣе подлинное письмо нѣкоего пилигрима Fessler'a, въ которомъ послѣдній рассказываетъ, какъ онъ самъ попалъ въ монастырскую тюрьму. Это было въ одномъ изъ австрійскихъ монастырей недалеко отъ Вѣны. „Въ ночь съ 23 на 24 февраля (1782 г.), пишетъ въ своемъ письмѣ Фесслеръ, въ 11 часовъ ночи я былъ пробужденъ міряниномъ. Возьмите вашъ крестъ, говоритъ онъ мнѣ, и слѣдуйте за мною.—Со страхомъ спросилъ я: куда?—Куда я поведу васъ.—Что это значитъ?—Это я скажу вамъ.—Я неѣду, потому что не знаю: куда и зачѣмъ.—Настоятель приказалъ въ силу святаго послушанія, чтобы вы слѣдовали за мною, куда бы я ни велъ васъ.—Коль скоро идетъ рѣчь о силѣ святаго послушанія, то безусловно должно послѣдовать, что приказано; всякій дальнѣйшій отказъ составлялъ уже великое преступленіе. Съ содроганіемъ взялъ я свой крестъ и послѣдовалъ за міряниномъ, который съ тусклымъ фонаремъ шелъ впереди. Проходя мимо комнаты своего вѣрнаго школьнаго товарища, я быстро вошелъ въ нее, пробудилъ его отъ сна и дважды сказалъ ему на ухо по латини: меня ведутъ Богъ знаетъ куда, если я не явлюсь утромъ, то сообщи объ этомъ Rautenstrauch'у. Мы шли по направленію къ кухнѣ; изъ нея — черезъ двѣ камеры; отворивши послѣднюю онъ крикнулъ мнѣ: семь ступеней внизъ. У меня стѣснило въ груди; мнѣ казалось рѣшеннымъ то, что я никогда болѣе не увижу дневнаго свѣта. Мы шли длиннымъ узкимъ проходомъ, въ которомъ направо въ срединѣ я увидѣлъ небольшой алтарь, а налѣво — двери, запертыя висячими замками. Одну изъ нихъ отперъ мой вожатый и сказалъ: здѣсь лежитъ умирающій, братъ Никодимъ, венгерецъ; нѣмецкій языкъ знаетъ

Было наканунѣ праздника. Ночь была особенно темная. Въ полночь въ легкой одеждѣ совершилъ Шадъ опасный для жизни прыжокъ изъ окна въ монастырскій садъ, затѣмъ перебрался чрезъ монастырскую стѣну и оказался на свободѣ. Но опасность не миновала еще. Въ темнотѣ три раза сбивался онъ съ дороги и возвращался къ монастырю. Лишь при первомъ появленіи утренняго свѣта укрылся онъ въ ближайшей протестантской деревнѣ. Раннимъ утромъ отправлена была изъ монастыря погоня за нимъ; но такъ какъ онъ задержался въ деревнѣ, то избѣгъ опасности быть схваченнымъ.

Такимъ образомъ, онъ „сбросилъ цѣпи, которые носилъ около 21 года“, какъ онъ выражается. Но онъ лишился библіотеки, которую собралъ, живя въ монастырѣ, и которая, по его словамъ, стоила около 2000 гульденовъ, лишился вещей, въ числѣ которыхъ находилась виолончель, которую специалистъ оцѣнилъ около 100 дукатовъ. Онъ зналъ, что все это погубило для него безвозвратно, такъ какъ монастырскій уставъ предоставлялъ монастырю право на всѣ эти вещи: *quidquid acquirit monachus, monasterio acquirit*. Монахи не удовольствовались этимъ. Они преслѣдовали его, какъ могли. Гофратъ Шаубертъ въ Іенѣ заявилъ ему, что по законамъ государства единственное средство связать руки католикамъ есть переходъ въ протестанство, что онъ и сдѣлалъ.

Въ Іенѣ Шадъ искалъ степени доктора философіи безъ экзамена и дѣйствительно получилъ докторскій дипломъ, какъ извѣстный уже своими учеными сочиненіями. Въ томъ же Іенскомъ университетѣ онъ домогался того, чтобы допустили его къ чтенію лекцій по философіи. Для этого онъ представилъ извѣстному философу Фихте, преподававшему въ то время философію въ Іенскомъ университетѣ, изложеніе его философіи въ 3-хъ частяхъ. Фихте не мало былъ удивленъ точностію изложенія его философіи, сдѣланнаго Шадомъ, особенно когда узналъ,

плохо и т. д. Старикъ дѣйствительно умеръ въ ту же ночь. Оказалось, что онъ томился здѣсь 52 года. „Для чего алтарь въ проходѣ? спросилъ Гесслеръ.—Здѣсь патеръ читалъ во всѣ святые дни мессу для львовъ и приобщалъ ихъ. Смотрите: здѣсь въ каждой двери есть маленькое отверстіе, которое открывается; чрезъ него они исповѣдывались, слушали мессу и приобщались.—Здѣсь и теперь есть такіе львы?—Я имѣю ихъ четыре: два священника и два мірянина.—Давно они здѣсь находятся?—Одинъ 50 лѣтъ, другой 42 г., третій 15 и четвертый 9 лѣтъ.—Почему?—Я не знаю.—Почему они названы львами?—Потому что я называюсь сторожемъ львовъ“. „Нужно, говорить Шадъ, удивляться ничтожности вины, изъ за которой заключенные дѣлались столь несчастными; наприм., одинъ изъ заключенныхъ за то осужденъ былъ въ тюрьму, что читалъ Виланда, Геллерта, Робнера и другихъ извѣстныхъ протестантскихъ писателей и послѣ нѣсколькихъ наказаній снова впадалъ въ тотъ же грѣхъ; другой—за то, что выходилъ послѣ обѣда безъ позволенія настоятеля, хотя всегда возвращался домой въ определенное время и т. д.“. Какая же судьба предстояла мнѣ, спрашиваетъ Шадъ, такъ какъ я не только убѣжалъ изъ монастыря, но и представилъ въ ужасномъ видѣ монашество и папство?

184
что авторъ изложенія былъ монахомъ Бенедиктинскаго ордена. Кромѣ этого труда онъ представилъ въ университетъ диссертацию для публичной защиты (какъ того требовалъ университетскій уставъ) подъ заглавіемъ: „De nexu philosophiae theoreticae cum practica“, которую и защитилъ съ успѣхомъ. Послѣ защиты диссертации онъ получилъ отъ университета право открыть чтеніе лекцій по философіи. Фихте оставлялъ въ это время кафедру философіи въ Іенскомъ университетѣ. На просьбу студентовъ указать имъ, кого они должны слушать по философіи послѣ его отъѣзда, Фихте указалъ на Шада, какъ на своего преемника.

Это было въ 1799 году. Съ этого времени началась преподавательская дѣятельность Шада въ университетѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ писать сочиненія для печати и издавать ихъ. Въ періодъ отъ 1799 года до 1804 года онъ издалъ цѣлый рядъ сочиненій, которые указываетъ въ своей автобіографіи. Эти сочиненія слѣдующія: 1) Grundriss der Wissenschaftlehre; 2) Geist der Philosophie unserer Zeit; 3) Transcendentale Logik; 4) Ziemlich starke Abhandlung in dem Philosophischen Journal; 5) Abhandlung über die Verbesserung des mönchswesens; 6) System der Natur-und transcendental Philosophie; 7) Meine Lebensgeschichte; 8) Gefahren des Staates und der Religion von Seiten des Mönchsthums; 9) Das Paradies der Liebe — монашескій романъ въ 2 частяхъ. Въ томъ же 1799 году Шадъ вступилъ въ бракъ съ нѣкоею Вильгельминою изъ Кобурга.

По разсказу Шада онъ еще разъ подвергся опасности со стороны католиковъ. Однажды ночью около 12 часовъ подъѣхала къ его квартирѣ повозка съ цѣлю, какъ онъ предполагаетъ, схватить его спящаго и увести. Но такъ какъ онъ не спалъ еще, о чемъ далъ знать пріхавшимъ, поднеся къ окну зажженную свѣчу, то повозка немедленно удалась. На другой день разслѣдованія полиціи ни къ чему не привели.

Въ февралѣ 1804 года Шадъ получилъ изъ Россіи приглашеніе занять должность профессора *теоретической и практической философіи* въ вновь открываемомъ университетѣ въ Харьковѣ — на такихъ выгодныхъ условіяхъ, на которыхъ ни одинъ изъ нѣмецкихъ князей не могъ, говоритъ Шадъ, пригласить даже знаменитаго ученаго, а именно: жалованье до 2400 талеровъ, каждая отдѣльная должность, занимаемая профессоромъ помимо кафедры, — ректора, декана, секретаря, оплачивается отдѣльно, такъ что въ совокупности съ жалованьемъ профессоръ могъ получить до 3000 талеровъ; къ этому еще даются подъемныя деньги для проѣзда изъ-за границы въ Россію. Приглашеніе было принято Шадомъ.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

№ 46350